

ГЛАВА ШЕСТЬДЕСЯТ ЧЕТВЕРТАЯ,

из которой вы узнаете о том, какую пользу принесла путникам исполинская сила Чжу Ба-цзе на Тернистой горе и как Танский монах вел беседу о стихах с обитателями скита лесных праведников

Итак, правитель государства Цзисай был от всего сердца благодарен Танскому монаху и его спутникам за то, что они изловили оборотней-разбойников и вернули похищенную из пагоды драгоценность. Он хотел щедро наградить монахов золотом и яшмой за огромное благодеяние, совершенное ими, но те наотрез отказались принять драгоценные дары. Тогда правитель распорядился, чтобы монахам сшили по две смены одежды, точно такой же, какую они носили, по две пары матерчатых; чулок и кожаных башмаков, а также по два пояса. Кроме того, им насушили на дорогу разных сухарей и печений.

Когда подорожная была засвидетельствована, монахам устроили пышные проводы. Сам правитель в роскошной колеснице выехал провожать их в сопровождении гражданских и военных чинов и всех жителей города.

Монахи из монастыря, получившего новое название Ниспровергающий драконов, тоже вышли провожать своих спасителей. Воздух сотрясаясь от громких звуков духовых и ударных инструментов.

Торжественная процессия покинула город, вышла за ворота, и лишь когда они прошли около двадцати ли, правитель стал прощаться. А жители города прошли еще двадцать ли. Монахи же и не думали возвращаться: они шли за путниками и прошли, пожалуй, пятьдесят или даже шестьдесят ли. Некоторые изъявляли желание сопровождать путников на Запад. Находились и такие, которые просили принять их в услужение и обещали за это добиваться нравственного самоусовершенствования.

Сунь У-кун, видя, что монахи не отстают от них и не хотят возвращаться обратно, решил прибегнуть к волшебному средству. Он вырвал у себя небольшой клочок шерсти из тридцати или сорока волосков, дунул на него и произнес одно лишь слово: «Изменитесь!» И все волоски сразу же сделались пятнистыми тиграми, свирепо преградившими монахам дальнейший путь. Тигры страшно рычали и метались, готовые броситься на людей. Монахи испугались и не осмелились двигаться дальше.

Великий Мудрец Сунь У-кун тем временем повел за собой белого коня, а Танский монах стал подстегивать его кнутом. Вскоре путники были уже довольно далеко от монахов, но до их слуха долго еще доносились вопли и громкие причитания.

— Милостивые и справедливые отцы! — кричали монахи. — Очевидно, такая уж у нас судьба, что вы не желаете навсегда спасти нас!

Мы не будем рассказывать здесь о том, как горевали монахи, а вернемся к Сюань-цзану и его спутникам. Вскоре они вышли на большую дорогу, и здесь Сунь У-кун водворил на место выдернутый клочок шерсти. После этого путники двинулись дальше прямо на Запад. Время

летело незаметно: зима была на исходе и приближалась весна. Погода стояла не жаркая, и идти было легко. Неожиданно перед путниками выросла длинная цепь гор, и дорога теперь шла по самым вершинам хребта. Танский монах остановил коня и стал осматриваться. Горы поросли густым, колючим терновником, перевитым цепкими лианами. И хотя дорогу можно было различить, продвигаться в этих зарослях было очень трудно; колючки вонзались в тело, словно иголки.

— Братья мои! — воскликнул Танский монах. — Как же мы пройдем здесь?

— Как пройдем? — удивился Сунь У-кун.

— Братья! — продолжал Танский монах. — Дорога хоть и видна, но все кругом поросло колючками. Здесь можно двигаться лишь ползком, как змеи. Вам и то трудно идти, согнувшись в три погибели, а каково мне ехать верхом?

— Пустяки! — воскликнул Чжу Ба-цзе. — Глядите, как я сейчас расчищу дорогу граблями: можно будет проехать не только верхом, но даже в паланкине!

— Ты, конечно, силен, что и говорить, — молвил в ответ Танский монах, — но надолго тебя не хватит. Ты ведь не знаешь, на каком протяжении дорога заросла терновником. К чему же зря тратить силы?

— Что попусту разговаривать, — сказал тут Сунь У-кун, — я сейчас сам все узнаю.

С этими словами он поднатужился, совершил прыжок в воздух и, очутившись на облаке, стал всматриваться, но заросли терновника, казалось, не имели границ.

Необозримые, бескрайние просторы

Оделись легкой дымкою тумана,

Набросили покров зеленый горы,

Переплелись упругие лианы.

На тонких ветках распустились почки.

И тысячи проснувшихся растений,

Их первые, блестящие листочки

Отбрасывают трепетные тени.

Конца не видно дали изумрудной,

Пространства эти не окинешь взором:

Раскинулись зеленою запрудой
И радуют сияющим убором
Деревьев кущи, свежие дубравы,
Ковры лугов в узорах пестротканых,
Кустарники, лекарственные травы
В наряде из цветов благоуханных.
Лучей своих живую позолоту
Деревьям солнце расточает щедро,
Баюкают их легкую дремоту
Порывы освежающего ветра.
Причудливые сосны, кипарисы,
Едва лишь холода зимы изведав,
Украсили немеркнущие ризы
Узором ослепительных побегов;
Стеной сплошною высятся бамбуки,
О чем-то шепчутся с ручьями ивы,
И ветви поднимают, словно руки,
Седые вязы, молодые сливы.
Ползут лианы по стволам дуплистым,
Их переплеты с плотной тканью схожи:
То виснут над землей шатром тенистым,
То стелются гостеприимным ложем.
Но где б то ни было, найдешь едва ли
Такие заросли кустов колючих,
Чтобы все пути дороги закрывали
Изгибами ветвей своих и сучьев.
Куда ни глянь, везде являет взгляду
Терновник небывалую преграду.

Долго вглядывался Сунь У-кун в бесконечные заросли терновника и, наконец, прижав ниже к земле край облака, на котором он находился, крикнул:

— Наставник! По этой дороге нужно идти еще очень долго.

— Как долго? — спросил Танский монах.

— Конца пока не видно. Видимо, заросли тянутся на расстоянии тысячи ли!

— Что же нам делать? — испугался Сюань-цзан.

— Не печальтесь, учитель,— принялся утешать его Ша-сэн. — Когда-то я выучился пускать палы и сжигать сорняки. Сейчас я подпалю кустарник: он выгорит, и мы сможем пройти.

— Не мели чепуху, — остановил его Чжу Ба-цзе. — Палы пускают обычно осенью, в десятом месяце года, когда травы засыхают и кусты оголяются. Вот тогда огонь их быстро охватывает. А сейчас наступила пора, когда растения начинают пышно распускаться. Как же тебе удастся спалить кустарник?

— Да если и удастся, — вмешался Сунь У-кун, — боюсь, нам за это крепко достанется.

— Как же нам пробраться? — спросил Танский монах.

— На сей раз без меня вам никак не обойтись, — рассмеялся Чжу Ба-цзе.

И вот наш герой, прищелкнув пальцами, прочел какое-то заклинание, сделал несколько телодвижений, а затем крикнул: «Расти!» Неожиданно на глазах у всех Чжу Ба-цзе стал увеличиваться и превратился в великана ростом в двадцать чжан. Помахав граблями, он скомандовал: «Изменитесь!» И грабли сразу же удлинились на тридцать чжан. И вот наш новоявленный великан зашагал по кустарнику, словно по траве, разбрасывая граблями поломанные сучья.

— Наставник! — крикнул он на ходу. — Можешь спокойно следовать за мной!

Танский монах очень обрадовался и стал подстегивать коня, неотступно следуя за Чжу Ба-цзе. Ша-сэн шел за ним и нес поклажу на коромысле, а Сунь У-кун помогал Чжу Ба-цзе, сбивая железным посохом колючие ветви кустарника. В этот день оба они работали, как говорится, не покладая рук, и путникам удалось пройти более ста ли. К вечеру они подошли к довольно большой прогалине, а у самой дороги заметили каменный столб, на котором было высечено три больших иероглифа: «Тернистая гора».

Когда они подошли ближе, то разглядели под этими знаками еще четырнадцать маленьких

иероглифов, расположенной двумя вертикальными строчками. Вот, что они обозначали:

Заросли протянулись на восемьсот ли;

Проложена здесь дорога — немногие ею шли.

Прочтя эту надпись, Чжу Ба-цзе громко рассмеялся:

— Я бы прибавил еще две строки, — сказал он, и с нарочитой важностью произнес:

Однако сумел расчистить лучшую из дорог

Лишь Чжу Ба-цзе почтенный — больше никто не смог.

Танский монах, очень довольный, слез с коня и обратился к своим ученикам.

— Ну и замучил я вас сегодня, братья мои! — сказал он. — Давайте переночуем здесь, на этой лужайке, а завтра с первыми же лучами солнца отправимся дальше!

— Наставник, не надо здесь останавливаться! — запротестовал Чжу Ба-цзе. — Пока еще светло и мы в силах, надо идти дальше! Я готов всю ночь напролет ломать этот кустарник, будь он проклят!

Наставнику не оставалось ничего иного, как согласиться, и путники отправились дальше.

Чжу Ба-цзе шел впереди, старательно прокладывая дорогу. Остальные следовали за ним. Они шли, не останавливаясь, еще целые сутки. Однако перед ними была все та же густая чаща кустарника. Тоскливо завывал ветер, шумя соснами. Наконец они вышли на просторную лужайку и тут увидели древний монастырь. За воротами стояли изумрудные сосны и кипарисы. Персики и сливы, казалось, оспаривали друг у друга красоту. Танский монах слез с коня и вместе со своими учениками стал разглядывать монастырь.

Вот что представилось их глазам:

Обитель одиноко над водой

Стояла, и в тревожный час заката

Окутывал ее туман седой.

А в роще одичавшей и глухой

Гнездились аисты, как в древности когда-то.

Ступени храма мох покрыл густой,

Разрушена узорная ограда,
И обвивают плети винограда
Углы и выступы стены крутой.
Не весел окружающий покой,
Печаль вселяют в сердце, не ограду,
И крики птиц из дремлющего сада,
И шепот листьев в рощице сырой...
Здесь нет ни кур, ни псов сторожевых,
Почти не видно и следов людских.

При виде такого запустения Сунь У-кун предостерегающе сказал:

— Ну, здесь добра не жди, во всяком случае задерживаться нам не следует...

— Что-то очень подозрительным ты стал, — проговорил Ша-сэн. — Не понимаю, какое зло разглядел ты в этом уединенном месте, где никто не живет, и уж конечно нет ни злых духов, ни оборотней, принявших вид зверей или птиц.

Не успел он договорить, как налетел порыв холодного ветра и из ворот монастыря вышел старец в шляпе отшельника, в светлой одежде, с посохом в руке и в соломенных туфлях. За ним следовал бес-слуга, темнолицый, с кривыми зубами, рыжебородый, почти что голый, он нес на голове целое блюдо блинов.

Старец опустился на колени и произнес:

— О Великий Мудрец! Я дух земли у этой горы, которая называется Тернистой. Я знал, что ты прибудешь сюда, но не успел приготовить достойное тебя угощение. Прошу отведать хотя бы этих простых блинов, которые подношу тебе, твоему наставнику и остальным путникам. Здесь на расстоянии восьмисот ли вы нигде не встретите человеческого жилья. Прошу всех вас подкрепиться немного и утолить голод.

Чжу Ба-цзе не скрыл своей радости. Он выступил вперед и стал засучивать рукава, собираясь отведать блинов. Однако Сунь У-кун, внимательно приглядевшись к старцу, закричал:

— Постой! Мы повстречались с недобрыми людьми! Не торопись!

Обратившись к старцу Сунь У-кун продолжал:

— Какой же ты дух земли? Вздумал провести меня, старого Сунь У-куна? Ну-ка, отведай моего посоха!

Старец, видя, что Сунь У-кун действительно собирается ударить его, быстро повернулся к нему спиной и сразу же превратился в порыв ветра, который со злобным свистом подхватил Танского монаха, поднял его в воздух, закружил и умчал неизвестно куда. Сунь У-кун так опешил, что не сообразил даже пуститься в погоню; Чжу Ба-цзе и Ша-сэн, побледнев, растерянно переглядывались. Белый конь тоже перепугался и заржал. О том, как трое спутников Танского монаха и его конь глядели во все стороны в полном смятении, а затем принялись метаться в бесплодных поисках, мы здесь рассказывать не будем.

Обратимся к старцу-оборотню, который с помощью своего беса-слуги примчал Танского монаха ко входу в каменное помещение, окутанное туманом, и осторожно опустил его на землю, а затем, поддерживая обеими руками, ласково произнес:

— Премудрый монах! Не бойся. Мы вовсе не плохие люди. Я — один из восемнадцати гунов, владеющих Тернистой горой. Прошу тебя в эту тихую лунную ночь познакомиться с моими друзьями и побеседовать с ними о стихах, развлечься немного и развеять свою тоску.

От этих слов Танский монах пришел в себя, успокоился и широко открытыми глазами стал осматривать местность. Удивительной красоты картина открылась его взору:

Что может быть прекрасней этих мест,

Чтоб тела чистоту хранить и духа?

Куда ни взглянешь — облака окрест:

Они белее снега, легче пуха...

Земли здесь вдосталь, много и воды,

И, коль работы не страшатся руки,

Тут зашумят зеленые сады,

Зашелестят высокие бамбуки.

До самого утра здесь хор гремит

Лягушек, в тихой заводи живущих,

Чудесный аист свой полет стремится

К высоким скалам в изумрудных кущах..,

Как на вершине Хуашань, красив

Восходов и закатов яркий пламень,

И кажется, что, небо озарив,
Тяньтайцы плавят философский камень...
Пусть кто-то ловит рыбу на луне
И вспахивает облако седое,
Ты не найдешь в той сказочной стране
Такого небывалого покоя,
Который обретаешь только здесь,
В тот лунный час, когда уходит горе,
И в думы погружаешься ты весь,
Глубокие и вечные, как море.

Танский монах не мог налюбоваться окружавшей его красотой. Между тем взошла луна, засияли звезды и послышались оживленные голоса:

— Наш правитель, восемнадцатый гун, привел сюда премудрого монаха!

Наставник Сюань-цзан поднял голову и увидел трех старцев. Первый из них, тот, что шел впереди, был статный, благообразный и совершенно седой; казалось, голова его покрыта инеем. У второго волосы были черные с зеленоватым оттенком и непрерывно колыхались; третий, темнолицый, выглядел очень робким и скромным. Все трое были совершенно различными по наружности и по одеянию. Приблизившись к Танскому монаху, они совершили перед ним вежливый поклон. Сюань-цзан ответил на приветствие, а затем спросил их:

— За какие же мои добродетели вы, достопочтенные праведники-отшельники, соизволили проявить ко мне столь высокие чувства любви и почтения?

На это правитель горного хребта, гун восемнадцатый, смеясь, отвечал:

— О премудрый монах! Мы давно слышали о твоих высоких моральных совершенствах и с нетерпением ждали случая увидеть тебя. Наконец пришел долгожданный день и мы обрели это счастье. Если ты в самом деле не поскупишься одарить нас своими поучениями, каждое слово из которых нам дороже жемчуга, и поговоришь с нами по душам, то мы вполне убедимся в силе твоей созерцательности и уверимся в том, что ты принадлежишь к подлинной школе правоверных.

Танский монах низко поклонился и произнес:

— Разрешите узнать, уважаемые праведники, как вас величать.

— Вот этого мужа, — сказал гун восемнадцатый, — с головой седой, словно иней, мы зовем Гун Чжи-гун, что значит беспристрастный, прямой гун; того, у кого волосы черные с зеленоватым отливом, мы зовем Лин Кун-цзы, что значит мудрец, витающий в небесах, а скромного и робкого — Фу Юнь-соу, что значит старец, обметающий пыль с облаков. Меня же зовут просто Цзин-цзе, что значит крепкий, как сучок.

— А как велик возраст у почтенных мужей? — поинтересовался Танский монах.

Первым отвечал Гун Чжи-гун:

Мой возраст — тысячелетний,
Но строен, как в юности, стан,
Всегда я в одежде летней,
Чей запах душист и прян;
Как кружевное плетенье
Изгибы моих ветвей,
Бегут от них легкие тени,
Как сотни проворных змей...
Меня посещают птицы,
Чьих крыльев размах широк,
К Познанию мой дух стремится,
Подходит мудрости срок
Рожден я прямым и твердым
И старости не боюсь —
Она не помеха гордым,
И ей я не поддаюсь.
Пусть я не простого рода,
Приют мой — в чаще густой,
Минуют меня невзгоды
И мир с его суетой.

Когда Гун Чжи-гун закончил, заговорил с усмешкой Лин Кун-цзы:

Мне тоже немало лет —
Их с тысячу наберется.
По возрасту я — дед,
Но ствол мой к земле не гнется.
Не страшен мне вихрь и град,
Крепка моих сучьев сила,
Свой изумрудный наряд
Поныне не износил я
В тиши заповедных рощ,
Как юноше, мне не спится,
И шелест мой, словно дождь,
В прохладе ночной струится.
С помощью цепких своих
Корней сумел овладеть я
Щедротами недр земных
И тайнами долголетия.
Я птицам приют даю,
Владеющим дивной силой,
Мне дружбу дарит свою
Сам аист сереброкрылый.
Мудрей всех пернатых он,
Умеет менять обличье —
То с виду он, как дракон,
То снова повадка птичья...
Я знатного рода сам,
В лесу — не последний житель:
Мой вид украшает храм
И праведника обитель.

После него стал говорить Фу Юнь-соу. Он тоже засмеялся и прочел стихи о себе:

Срок в тысячу лет, что прожит,

Оставил на мне свой след:

Ничто меня не тревожит,

В очах моих меркнет свет.

В дремотном, благом покое,

Бездумная жизнь течет,

И мир с его суетою

Не манит и не влечет.

А был я молод когда-то

И к радостям не суров...

Любили меня, как брата,

Шесть добрых весельчаков,

И семь мудрецов известных

Спешили ко мне прийти,

Чтоб правду искать совместно

И к ней обретать пути.

Давно уже отзвучали

Знакомые голоса.

И никнет в немой печали

Былая моя краса.

Наконец заговорил гун восемнадцатый, по прозванию Цзин-цзе:

Одиннадцатый век

Живу я на этом свете,

Но времени рьяный бег

Ничем меня не отметил.

По-прежнему зелен я,
Могуч и хорош собою,
И праведные друзья
Досуг свой делят со мною.
Собравшись в моей тени,
Ведут мудрецы беседу —
Все тайны знают они,
Им путь к совершенству ведом.
Питает меня земля
Своим благотворным соком,
Не ведаю жажды я
Ни в зной, ни в мороз жестокий.
Цвету я в долине той,
Где мрут деревья другие,
Не властвуют надо мной
Разгневанные стихии.

Танский монах поблагодарил их всех и спросил:

— Не являетесь ли вы, уважаемые праведники, теми четырьмя старцами, которые появились во времена династии Хань, поскольку каждый из вас достиг столь высокого возраста, а почтенному Цзин-цзе даже минуло свыше тысячи лет? Я сужу по вашим годам и благообразному виду.

— Что ты, что ты! — почтительно отвечали старцы. — Ты слишком высоко нас ставишь. Мы вовсе не те знаменитые отшельники, за которых ты нас принимаешь, а всего лишь четыре хранителя, обитающие в глубинах гор. Позволь же теперь узнать, каков твой возраст?

Танский монах почтительно сложил руки ладонями вместе и с поклоном отвечал:

Покинув материнскую утробу
Давно, тому назад уж сорок лет,
Изведал я слепого рока злобу

И много им определенных бед.
Спасая жизнь свою, упал я в воду,
И тут бы, верно, свой окончил век,
Когда б шальные волны в непогоду
Не вынесли меня на тихий брег!
Так на горе Цзиньшань я оказался,
Где мудрость древних книг в себя впитал,
Где истины великие познал,
Где Будде всеблагодару поклонялся.
На Запад государь меня послал
Не раз со злом в дороге я сражался,
Но никогда ему не поддавался;
Сколь счастлив я, что здесь вас увидел!

Все четверо старцев пришли в умиление и начали превозносить Танского монаха.

— О мудрый монах! С того дня, как ты вышел из утробы матери, ты сразу же принял закон Будды и, безусловно, являешься высшим из монахов, по-настоящему владеющим способом сохранять беспристрастность, поскольку ты с детства занимался нравственным самоусовершенствованием. Мы счастливы принять тебя и осмеливаемся просить дать нам твои мудрые наставления. Надеемся, что ты расскажешь нам хотя бы о нескольких способах созерцания, за что мы будем благодарны тебе всю жизнь!

Выслушав эту просьбу, Танский монах обрадовался и без всякого страха сразу же приступил к поучению.

— Созерцание, — начал он, — это спокойствие духа, а правила — это установления. Для того чтобы понять правила достижения спокойствия духа, необходимо познание. Познание же состоит в очищении сердца и мыслей и отрешении от мирских тревог. Труднее всего воплотиться в человеческом теле, родиться в Срединной земле и встретиться с настоящим вероучением. Тот, кто сочетает в себе эти три условия, может считать себя счастливейшим из смертных. Высшие добродетели и истины безграничны, бесформенны и невидимы, но с помощью их можно избавиться от желаний, вызываемых мыслью основными органами познания. Под словом «Пути» понимается состояние, при котором нет ни жизни, ни смерти, нет ни излишка, ни недостатка, происходит смешение небытия с формой, отсутствует обычное и мудрое.

Этому состоянию знакомы щипцы и молот Высшего первородного неба (то есть секрет вечного

бессмертия, к которому стремятся даосы, выплавлявшие пилюли бессмертия), и тот, кто находится в нем, постигает силы Сакья-муни.

Развитие же в себе желаний нарушает состояние нирваны. Необходимо в презрении добиваться презрения, в постижении Истины постигать Истину, и тогда чудесный небольшой луч ореола Будды будет все охранять. Этот луч, превратившись в ясное пламя, будет освещать всех, кто пребывает в состоянии покоя, и везде и во всем будет проявляться одна истинная непорочная природа, заложенная в живых существах.

Что касается самого сокровенного, то оно еще более труднодоступно, и кто спасется, если будет только говорить о вступлении в ворота учения Будды. Я все время занимаюсь самосозерцанием и благодаря судьбе и горячему желанию помню о необходимости познания.

Все четверо старцев, склонив голову, внимательно и с большой радостью выслушали Танского монаха, затем каждый из них совершил низкий поклон, благодаря Танского монаха за поучение.

— О премудрый монах! — восклицали они. — Ты действительно познал основы прозрения, заложенные в правила созерцания.

— Хотя созерцание — это спокойствие духа, а правила — это установления, — сказал Фу Юнь-соу, — все равно сначала необходимо добиться спокойствия (состояния Самади) и искренности сердца. Пусть даже кто-нибудь и достигнет вершин созерцания, он все время будет сидеть на одном и том же месте, а это путь к отрицанию жизни. Наше учение в корне отличается от вашего.

— О каком различии можно говорить? — удивился Танский монах. — Ведь Дао не постоянно, а субстанция и ее проявление в действиях сливаются воедино.

Фу Юнь-соу рассмеялся и сказал: — Мы со дня своего появления на свет обладаем прочным и солидным телосложением, — сказал он. — Вещество, из которого сложено наше тело, и способности нашего тела отличаются от всего того, что свойственно тебе. По милости Неба и Земли мы появились на свет, а благодаря дождям и росам наливаемся соком и расцветаем. Смеясь над ветром и морозами, мы живем день за днем, месяц за месяцем, но ни один листик не вянет у нас, тысячи наших ветвей соблюдают принципы нравственности. Таким образом мы не кланяемся пустоте. Ты придерживаешься толкований, изложенных на языке браминов. Между тем Дао, ведущее к совершенству, находится в Серединном царстве (Китае). Но ты почему-то ищешь святости на Западе. Зря истопчешь ты свои соломенные туфли; неизвестно, что удастся тебе найти там... Своими действиями в поисках Истины ты напоминаешь человека, желающего вырезать сердце и печень у статуи каменного льва, и до мозга костей наполнен болтовней чужеземных учений.

Забывая про все и вся, погружаться в созерцание, безрассудно добиваться плодов учения Будды, — все равно что распутывать заросли лиан, растущих здесь, на Терновой горе, и прислушиваться к шуму семян, гонимых ветром. Как же можно принимать создателя такого учения? Как же при таком положении управлять государством? Необходимо обратить внимание на все то, что лежит перед нами, так как и в спокойствии тоже есть жизнь. Ведь нельзя представить себе, как можно носить воду в бамбуковой корзине без дна или как могут

расцветать цветы на железном дереве без корней! Останови пока свои стопы на вершине горы Бессмертия, называемой Линбао, а потом, когда появится Майтрея*, последуешь к нему под дерево Лунхуа.

Услышав это, Танский монах пал ниц и начал отбивать поклоны, отказываясь от своих слов. Гун восемнадцатый обеими руками стал удерживать его от поклонов, а Гун Чжи-гун помог встать. Тем временем Лин Кун-цзы громко расхохотался и сказал:

— Совершенно ясно, что Фу Юнь-соу наговорил много лишнего. Прошу тебя, премудрый монах, встань и не верь всему, что он тебе сказал. Давайте воспользуемся этой прекрасной лунной ночью, когда так ярко светит луна, и, вместо того чтобы вести рассуждения о нравственном самоусовершенствовании, будем беззаботно сочинять стихи и раскроем свою душу друг перед другом.

Фу Юнь-соу засмеялся и, указывая рукой на небольшое строение, сложенное из камней, сказал:

— В таком случае как вы отнесетесь к моему предложению: зайти в этот крошечный скит и попить чайку?

Тут Танский монах поднялся с колен и посмотрел на каменное строение. Над входом виднелись три иероглифа: «Скит лесных праведников». Затем все вместе вошли туда и только успели рассестись, как появился уже знакомый нам голый бес-слуга с целым подносом пирожков, приготовленных из фулина, и потом подал пять чашек ароматного бульона. Все четверо старцев стали просить Танского монаха первым приступить к трапезе, но он колебался, медлил, боясь рисковать. Тогда старцы сами принялись за еду, после чего Танский монах тоже отведал пирожков. После пирожков поели бульона и тогда убрали со стола. Танский монах украдкой осмотрелся вокруг и заметил, что помещение было украшено богатой блестящей резьбой и залито лунным светом.

Струился родничок из-под скалы,

Прекрасные цветы благоухали,

Все уголки обители пленяли

Своей необычайною красой.

Достойны были всяческой хвалы

Все те, кто в ней порядок соблюдали,

И пыль и паутину обметали,

Следя за благолепной чистотой.

Танскому монаху очень понравилась эта праведная обитель, и чувства радости и сердечного

расположения раскрылись в нем. В состоянии полного восторга он не удержался и произнес:

Сердце того, кто отверг все мирское, схоже с луной:

Чисто и светло оно: на нем — ни пылинки земной.

Старец Цзин-цзе усмехнулся и сразу же сложил вторую строку:

Дар же его стихотворный велик и непревзойден,

Ибо черпает в небе свое вдохновение он.

За ним сложил третью строку Гун Чжи-гун:

Цветистой парче подобен слов его дивный узор:

Радует слух, как ткань золотая радует взор.

Четвертую строку сложил Лин Кун-цзы:

Мудр стихотворец, а строки его, как звезды, ясны —

Им украшенья излишни, ему хвалы не нужны.

Пятую и шестую строки прочел Фу Юнь-соу:

Шесть величайших династий стерты уж с лика земли,

С ними веселье, и роскошь, и наслажденья ушли,

На лучшие главы Сышу наложен запрет,

Ищешь напрасно ты оды Шицзина — их уже нет.

— У меня случайно вырвалась одна строка нескладного стиха,— сказал Танский монах, — и обо мне поистине можно сказать, что я машу топором у дверей дома Лу Баня. Ваши же стихи, которые я только что услышал, свежи и изящны. Судя по ним, вы настоящие мастера поэзии.

— А ты, пожалуйста, не отвлекайся, — сказал старец Цзин-цзе. — Помни, что монахи начатое дело доводят до конца. Ты сложил первую строку, почему же не заканчиваешь стих? Прошу тебя, продолжай.

— Это мне не под силу, — стал отнекиваться Танский монах. — Очень прошу тебя, уважаемый гун, сделай это вместо меня.

— Ну и хорош, нечего сказать, — шутливо воскликнул гун, — ты ведь сам начал слагать стих, почему же отказываешься закончить его? У тебя нет никаких оснований скупиться на свои рифмы, они дороги нам, как жемчужины...

И пришлось Танскому монаху завершить начатое им стихотворение следующими двумя строчками:

Чай поспекает, тихо на ложе я полулежу,

Взором за легкою птицей, слухом за ветром слежу.

Сами приходят стихи — лишь стоит уста разомкнуть...

Чувством сладчайшим весны моя преисполнена грудь.

— Какая великолепная строфа! — воскликнул гун восемнадцатый. — До чего хорошо звучит: «Чувством сладчайшим весны моя преисполнена грудь».

— Цзин-цзе! — обратился Гун Чжи-гун к правителю горного хребта, — ты прекрасно разбираешься в поэзии, потому и смакуешь последнюю строку. А почему бы тебе самому не начать следующее стихотворение?

Правитель горного хребта гун восемнадцатый был в ударе и не заставил себя упрашивать. Он сам предложил разыграть стихотворную игру:

— Я начну первую строку с последнего слова предыдущего стиха, а вы по очереди слагайте последующие строки таким же образом.

С этими словами он начал:

Грудь моя дышит привольно, а сам я зелен и щедр,

Не страшен мне зной палящий, не страшен и зимний ветер.

— Ну что ж, — сказал Лин Кун-цзы, — я продолжу с последнего слова твоего двустишия:

Ветры утихли, но пляшет тень моих легких ветвей,

Любуется путник красою неугасимой моей.

Вслед за Лин Кун-цзы выступил Фу Юнь-соу:

Моей седине достойной, стройному стану к тому ж

Может завидовать каждый в преклонном возрасте муж.

Последним выступил Гун Чжи-гун:

Муж, здесь стоящий пред вами, собою поддержит трон,

Также и дом укрепит он со всех четырех сторон,

И рукоятью секиры также окажется он.

Танский монах слушал, беспрестанно восторгался, а под конец сказал:

— Какие блестящие стихи! Они сверкают, словно снег под яркими лучами весеннего солнца! Их утонченность возносится за облака. Вдохновленный вашими стихами, я осмелюсь предложить еще одно двустишие для начала, хоть и не обладаю никаким талантом.

Гун Чжи-гун перебил его:

— О премудрый монах! Ты такой добродетельный муж, так много положил трудов на воспитание в себе высоких качеств. Тебе не подобает играть с нами в эту игру. Прошу тебя, сложи нам лучше целое стихотворение. Может, кто-нибудь из нас в ответ тоже сложит стихи, созвучные твоим!

Танскому монаху пришлось согласиться. С улыбкой он прочел следующие стихи:

Дорога на Запад должна меня увести,

Книги священные там я смогу обрести,

Чтобы благое ученье дальше по свету нести.

Счастье великое встретил я в трудном Пути,

Видя, как дар ваш до неба сумел возрасти,

Благоуханнейшим древом сумел расцвести.

Быть вам в почете, друзья, и в великой чести

Ныне и вечно, и всюду, во всех десяти

Света частях, коль сумеет зло отвести,

Сетью его не дадите себя оплести,

Благо и Истину будете в сердце блюсти,

Дабы в обитель блаженства свой дух вознести!

Четверо старцев выслушали это стихотворение с нескрываемым восторгом. Гун восемнадцатый воскликнул:

— Хоть я и стар и глуп и с моей стороны было бы дерзостью слагать стихи после вас, я все же попытаюсь:

Высокомерен я и горд, зовут меня Цзин-цзе,
Сам славный Чунь и дивный Цзы уступят мне в красе,
И по сравнению со мной юнцы — деревья все.
В ущельях горных на сто чжан ложится тень моя,
Она струится, как ручей, и вьется, как змея,
Питает мощь моих корней бессмертная земля.
Дружу я с небом и с землей. Сегодня, как и встарь,
Пошлет мне солнце жаркий луч, луна зажжет фонарь,
Как прежде, светел и пахуч смолы моей янтарь
Меня печалью не гнетет веков прошедших ряд,
И дождь люблю я, и росу, и непогоде рад,
Мне ветер мил, он мне всегда, в любой невзгоде — брат.
Но красоты не сохранить, когда начнешь стареть:
Когда угаснет блеск листвы, коры угаснет медь,
Кто скажет надо мной «увы» — на это мне ответь.

— Начало у этого стиха очень бодрое и мужественное, — сказал Гун Чжи-гун, — каждая строка связана с другой, но в последних двух строках ты чересчур себя принизил. А в общем недурно, очень даже недурно! Я тоже хочу попробовать сложить стих под стать твоему, хоть и стар и несмышлен.

С этими словами он начал:

Тебя я выслушал — теперь внимли моим речам
Являю я прекрасный вид внимательным очам,

Когда свет лунный серебрит мой купол по ночам...
Когда, бессонный, в тишине несу я свой дозор,
Средь преисполненных красы величественных гор,
Когда алмазами росы блистает мой убор,
Благоухание мое разносится вокруг,
Бесшумно пашет облака великий звездный плуг,
И на меня издалека глядит луна — мой друг.
Сам царь пернатых свой полет стремится под сень мою,
Я каллиграфам четверем всегда приют даю,
Я охраняю дивный храм — ему стихи пою
Под эту песнь священный храм благие видит сны,
Я этой песней славлю всех, что в мир сей рождены,
И пору радостных утех — пришествие весны.

Лин Кун-цзы рассмеялся и стал расхваливать его:

— Хороши стихи! Очень хороши! — молвил он. — Вот уж, действительно, как говорится: «Они сверкают так же ярко, как луна в небе». Где уж мне, старому, сочинить такие стихи? Но все же неловко пропускать свой черед. Дай-ка и я попробую сочинить что-нибудь.

— И он прочел:

Пригоден мой могучий ствол для балок и стропил,
Где человек своим трудом под песню звонких пил
Возводит новый прочный дом — там дорог я и мил.
Опора государя — Друг, не лицемер, не льстец,
Опора дома — из стволов положенный венец.
Как друг вхожу под каждый кров, как к сыновьям — отец.
Дыханье уст моих бодрит и освежает грудь
Того, кто в жаркий летний день, оставив трудный путь,
Войдет в мою густую тень от зноя отдохнуть.

Существованию моему положен долгий срок,
В подземном царстве мощь корней моих берет исток,
Уходит в небо ширь ветвей, настолько я высок.
Я красотой не кичусь, мой гордый вид суров,
И потому не нахожусь среди редкостных цветов,
Среди изнеженных деревьев причесанных садов.

— Ваши стихи, уважаемые братья, право, очень изысканны и совершенны, — сказал Фу Юнь-соу. — Я не гожусь: слаб здоровьем, да и таланта нет у меня. Но вы просветили мое невежество и заразили своим примером. Так и быть, я тоже что-нибудь придумаю, только прошу вас, не смейтесь!

И Фу Юнь-соу сложил стихи:

Запечатлел я на века все рукописи Хань.
В садах Циао был славен я, в долине Вэйчуань
Моим достоинствам, друзья, все отдавали дань.
Среди людей мой древний род доныне знаменит,
Ведь вид мой долгие года все взоры веселит,
Моя зеленая листва всегда свой цвет хранит.
Не страшен мне сырой туман и губительный мороз,
Седому времени меня скрутить не удалось,
И надо мною может лить немало горьких слез
Царица Э — им не смочить упругого ствола,
Коль влаги не приемлет он, как добродетель — зла!
(Невнятен ей и лести звон и зависти хула).
С тех пор, что мир покинул сей достойный Цзы-ю,
Немного у меня друзей, но радость познаю —
Художникам и мудрецам дарить красу свою.

— Ваши стихи, — прочувствованно сказал Танский монах, — поистине замечательны! Что ни слово, будто фениксы вылетают из ваших уст, словно жемчуга изо рта рассыпаются! К ним ничего не могли бы добавить ни Цзы Ю, ни Цзы Ся. Я весьма благодарен и признателен вам за

проявленное ко мне внимание, но время уже позднее, а я не знаю, где ожидают меня трое моих спутников-учеников, потому не смею дольше оставаться. Позвольте мне на этом распрощаться с вами. Я унесу с собой чувство безграничной любви к вам. Прошу вас только указать мне дорогу, уважаемые старцы!

— Ты не беспокойся! — засмеялись старцы. — Для нас встреча с тобой — самое знаменательное событие за целое тысячелетие. К тому же сейчас такая чудная погода, ночь хоть и глубокая, зато от луны светло как днем. Посидим, пока не наступит рассвет, а тогда мы проводим тебя через горы, и ты наверняка встретишься со своими уважаемыми спутниками!

В этот момент снаружи показались две девушки-служанки в темных одеждах, с фонарями из красного шелка, а за ними красавица — волшебная фея. Она вертела в руках цветок абрикоса и с легкой усмешкой вошла в помещение. Хотите ли знать, читатель, как она выглядела? Вот послушайте:

Подобны звездам ласковые очи,

Двум полумесяцам подобны бровки,

А волосы на маленькой головке

Нежнее шелка и темнее ночи.

Приспущены узорные чулочки —

Их видом невозможно не плениться:

На туфлях островерхие носочки

Изогнуты, что клюв у хищной птицы.

Разбросаны цветы и листья сливы

По платью бледно-розового цвета,

Поверх — доспехи легкие надеты

И облегают стан ее красиво.

Она стройней, бесспорно, и милее

Цзюй-цзи самой и девушек Тяньтад:

Ее лицо и без румян алее

Зари, что светит, утро возвещаю.

Четверо старцев при виде волшебной феи встали и вежливо спросили ее:

— Откуда пожаловала, фея Абрикосов?

Красавица поздоровалась со старцами, пожелав им счастья и благополучия, а затем сказала:

— Я узнала, что у вас здесь дорогой гость, с которым вы вместе пируете, а потому и пришла. Осмелюсь просить вас провести меня к нему.

Гун восемнадцатый, указывая рукой на Танского монаха, сказал:

— Вот он, наш дорогой гость! И вести вас никуда не нужно!

Танский монах склонился в поклоне, не осмеливаясь произнести ни слова:

— Подать сюда чаю, живей! — крикнула красотка.

Сразу же появились еще две молодые девицы в желтых одеждах, которые несли красные лаковые подносы. На подносах были установлены шесть чашек из тонкого фарфора с диковинными плодами. На плодах лежали ложечки. Кроме того, девушки принесли с собой большой железный чайник в светлой медной оправе, из которого шел приятный аромат. Фея разлила чай, а затем, улыбнувшись и полуобнажив свои прелестные белоснежные зубки, похожие на дольки весенней луковицы, подала первую чашечку Танскому монаху. После этого она поднесла чай четверем старцам и, наконец, налила себе.

— Отчего же ты не садишься? — спросил фею Лин Кун-цзы.

Красавица только тогда села вместе с ними. Затем она встала и спросила:

— Не поделитесь ли вы, уважаемые старцы, вашими прекрасными стихами, которые, несомненно, сложены при встрече?

Фу Юнь-соу ответил:

— У всех у нас уж очень бедный, грубый язык. Зато гость наш, мудрый монах из Танского государства, — истинный поэт. Вот кому действительно можно позавидовать.

— Прошу, если только вы не поскупитесь, поделиться со мною, — сказала фея. — Мне очень хочется послушать!

Тут все четыре старца рассказали красавице, какие стихи прочел Танский монах в первый и во второй раз, а также передали ей поучения монаха о способах созерцания.

Лицо волшебницы расцвело, как прелестный цветок весной. Обратившись ко всем присутствующим, она смущенно сказала:

— Я не обладаю талантом и не вправе отнимать у вас время. Но, услышав такие прелестные стихи, не могу оставить их без ответа. Постараюсь, как смогу, сложить в честь гостя хоть один стих. Как вы отнесетесь к этому?

И, не дожидаясь ответа, она стала нараспев читать свой стих:

Когда великий царь У-ван еще на свете жил,
Мой нежный вид и стройный стан уже прославлен был.
Под сень мою Конфуций сам с друзьями приходил.
Моим румянцем врач Дун-сянь был некогда пленен,
Им в честь мою был дивный сад плодовый насажден,
Благословением небес казался людям он.
А запах сладкий мой прельстил отшельника Сунь Чу:
Так — всем достойным я мила, коль только захочу...
Но, что бываю и кисла, — о том я умолчу.
Пусть омывает хладный дождь огонь моих ланит —
Не угасает робко он, но пуще лишь горит:
Он солнцем золотым рожден и душу веселит.
Но жарких испарений яд — страдание мое:
Тускнеет яркий мой наряд, впадаю в забытье,
И переходит в вечный сон земное бытие.

Четверо старцев внимательно выслушали стихотворение и похвалили волшебную фею.

— Очень изящные стихи, в них нет ничего мирского, — говорили они. — В каждой строке чувствуется весна. Особенно хороша строка:

Пусть омывает хладный дождь огонь моих ланит —
Не угасает робко он, но пуще лишь горит!

Подумайте только!

Пусть омывает хладный дождь огонь моих ланит —

Не угасает робко он, но пуще лишь горит!

Ведь это просто замечательно!

Красавица улыбнулась и тихо ответила:

— Мне стыдно! Очень стыдно! Разве можно сравнивать мои стихи со стихами мудрого монаха, которые я только что слышала! Они поистине великолепны! О, если бы наш дорогой гость не поспешил еще на одно стихотворение, оно было бы для меня драгоценнее жемчуга и яшмы!

Но Танский монах не посмел ответить. Волшебная фея, желая понравиться, начала кокетничать с ним. Она придвигалась к нему все ближе и, наконец, прижавшись, прошептала:

— Дорогой гость мой, молчальник! Что, если мы с тобой позабавимся в эту чудную ночь? Ведь человеческая жизнь так коротка! Сколько времени тебе еще суждено прожить?!

Гун восемнадцатый поспешно произнес:

— Смею уверить тебя, мудрый монах, что наша чудная фея Абрикосов питает к тебе самые возвышенные чувства. Неужели ты откажешь ей? Если ты поступишь подобным образом, значит, ничего не смыслишь в прелестях жизни!

Но тут вступился Гун Чжи-гун:

— Не забывай, — сказал он, — что наш гость в монашеском звании! Благочестие и доброе имя не позволяют ему поступать легкомысленно. Если мы будем уговаривать его, то тем самым примем на себя великий грех. Осквернить доброе имя, лишить благочестия — все это недостойно нас. Если же у чудной феи Абрикосов действительно есть такое желание, то пусть Фу Юнь-соу и гун восемнадцатый выступят сватами, а я и Лин Кун-цзы — поручителями. Сыграем свадьбу! Ведь это будет великолепно!

Лицо у Танского монаха при этих словах мгновенно изменилось. Он подскочил на месте и закричал:

— Вы все, оказывается, заодно, мерзкие оборотни! Задумали обольстить меня! Еще недавно вы вели со мною достойные речи, и я был рад говорить с вами о сокровенных тайнах и о пути к совершенству. Как же вы посмели посягнуть на мой монашеский сан, задумав погубить меня женскими соблазнами?! Кто дал вам право поступать подобным образом?

Старцы, видя, что Танский монах не на шутку разгневался, стали в смущении кусать себе пальцы, не зная, как оправдаться. Вдруг стоявший в стороне бес-слуга вспылil и заорал громовым голосом:

— Ишь ты какой! Не понимаешь, что тебе оказывают честь? Чем плоха наша барышня? Она талантлива, изящна, красива и так грациозна! А какая дельная! Стоит ли говорить, до чего она искусна в рукоделии, да и в сложении стихов великая мастерица. Куда искуснее тебя! Как же ты смеешь отказываться от такой высокой чести? Смотри, поплатишься за свою гордость! Гун Чжи-гун прав. Если не хочешь так, давай сыграем свадьбу. Все хлопоты беру на себя!

Танский монах от страха даже побледнел, но твердо решил не поддаваться ни на какие уговоры. Тогда бес-слуга снова стал кричать:

— Ах ты, гнусный монах! Мы тебя по-хорошему уговариваем, а ты и слушать не желаешь! Если будешь вести себя подобным образом, мы поступим с тобой по-мужицки, затащим тебя в такое место, что тебе и монахом не быть и жениться нельзя будет! Пожалеешь тогда, что на свет божий родился. Ну, что ты теперь скажешь?

Но Танский монах был тверд, как алмаз, и продолжал стоять на своем. «Где-то теперь мои ученики разыскивают меня?..» — думал он. Вдруг Сюань-цзан громко вскрикнул и слезы неудержимым потоком хлынули из его глаз. Волшебница рассмеялась и, подойдя поближе к нему, достала из своего широкого рукава изумрудного цвета носовой платочек из нежной тонкой ткани. Вытирая ему слезы, она говорила:

— Дорогой гость! Не огорчайся и не сердись. Давай хоть немножко поласкаемся и понежимся — вот и все. Позабавимся и разойдемся!

Танский монах с омерзением плюнул и с громкими воплями пустился было бежать, но его схватили, и началась перебранка, которая продолжалась до самого рассвета.

Вдруг откуда-то послышались возгласы: «Эй, учитель!», «Наставник!», «Где ты?», «С кем ссоришься?».

Оказывается, Великий Мудрец Сунь У-кун вместе с Чжу Ба-цзе и Ша-сэном всю ночь искали своего наставника. Они исходили колючие кустарники вдоль и поперек, и все тщетно. За ночь они прошли на облаках и туманах все восемьсот ли Терновой горы и спустились у ее западных отрогов. Там они и услышали громкие вопли своего учителя и стали звать его. Танский монах, уверенный в том, что спасение близко, крикнул:

— Сунь У-кун! Я здесь. Спешу скорей ко мне на помощь!

Четверо старцев с голым бесом-слугой, а также волшебная фея со своими служанками еще некоторое время в замешательстве цеплялись за Танского монаха, а затем вдруг куда-то исчезли. Вскоре к тому месту, где находился. Танский монах, подошли Чжу Ба-цзе и Ша-сэн.

— Как ты попал сюда, наставник? — спросили они с изумлением.

Но Танский монах, не отвечая, кинулся к Сунь У-куну и стал причитать:

— О братцы мои! До чего же я замучил вас, обременив заботой о себе. И во всем виноват только я. Ведь этот старец, который вчера вечером явился к нам под видом духа земли и предложил подкрепиться, а ты обругал его и хотел прибить, в самом деле оказался оборотнем. Он умчал меня сюда. Здесь взял за руки и ввел в помещение, куда пришли еще три старца. Все они были очень вежливы со мною и величали меня «мудрым монахом». Каждый из них говорил изысканным языком, причем все они оказались замечательными стихотворцами. Незаметно пролетело время и наступила глубокая ночь. Но тут появилась прелестная дева с цветными фонарями. Она сказала, что пришла повидаться со мною и тоже прочла очень хорошее стихотворение. Она величала меня «дорогим гостем», и, видимо, я ей настолько понравился, что она стала добиваться слияния со мною. Тут я понял, в чем дело, и стал всячески отказываться. Остальные же стали заступаться за нее и сватать ее мне, кто в качестве свата, кто в качестве посаженного отца, а кто и в качестве устроителя свадьбы. Я поклялся сам себе ни за что не соглашаться. Хотел бежать, но они задержали меня, и началась ссора. Совершенно неожиданно вы подоспели ко мне на выручку. То ли потому, что уже совсем рассвело, или просто они испугались вас, но вдруг все они куда-то сразу исчезли, хотя только что еще цеплялись за меня.

— А вы, наставник, так долго с ними беседовали, стихи слагали и даже не поинтересовались, как их зовут? — удивился Сунь У-кун.

— Я спросил у них, как их величают по прозвищам, и они мне сказали. Самого старшего зовут гун восемнадцатый, его прозвище: Крепкий, как сучок. Второго зовут Гун Чжи-гун, третьего — Лин Кун-цзы, а четвертого — Фу Юнь-соу; деву они величали феей Абrikосов...

— Где они живут и куда могли исчезнуть? — спросил Чжу Ба-цзе.

— Я не знаю, куда они могли исчезнуть, — ответил Танский монах. — Но то место, где мы слагали стихи, совсем недалеко отсюда!

Все трое учеников последовали за своим наставником к тому месту, где помещалось каменное строение. Они увидели скалу, на которой было высечено три иероглифа: «Скит лесных праведников».

— Вот здесь! — сказал Танский монах.

Сунь У-кун внимательно стал оглядывать все это место и вдруг заметил четыре больших дерева: одно из них было огромное можжевельное дерево, другое — старый кипарис, третье — сосна почтенного возраста и четвертое — старый бамбук. За бамбуком он увидел клен. Продолжая всматриваться, он заметил с другой стороны скалы старое абрикосовое дерево, рядом с которым росли два деревца восковой сливы и два коричных деревца.

— Ты не видишь, где находятся оборотни? — спросил он.

— Не вижу,— отвечал тот.

— Какой же ты недогадливый! Все эти деревья, которые ты видишь поблизости, как раз и есть оборотни.

— Как же ты узнал, братец, что оборотни оказались деревьями? — заинтересовался Чжу Ба-цзе.

— Очень просто,— отвечал Великий Мудрец Сунь У-кун. — Гун восемнадцатый как раз и есть иносказательное название элементов, из которых составляется иероглиф, имеющий значение «сосна». Гу Чжи-гун — это кипарис; Лин Кун-цзы — можжевельное дерево, а Фу Юнь-соу — бамбук; бес-слуга — это клен, фея Абрикосов — абрикосовое дерево, а ее прислужницы — две восковые сливы и два коричных деревца.

Услышав эти слова, Чжу Ба-цзе стал бить по деревьям граблями и подрывать их корни своим рылом. Он сразу же выворотил оба деревца восковой сливы и оба коричных деревца, абрикосовое дерево и клен. Когда он повалил их на землю, то на корнях в самом деле проступили капли крови.

Танский монах подошел к Чжу Ба-цзе и стал его удерживать:

— Чжу У-нэн! Не губи ты их! Они хоть и оборотни, но не нанесли мне никакого вреда. Давайте лучше выйдем на дорогу и отправимся дальше!

— Наставник! — сказал Сунь У-кун. — Не жалея этих оборотней. Неизвестно еще, какие превращения они примут в будущем и сколько бед причинят людям!

Эти слова придали еще больше решимости Чжу Ба-цзе. Одним ударом своих грабель он повалил сосну, а затем и остальные три дерева. После этого он предложил наставнику сесть на коня. Они выбрались на большую дорогу и продолжали путь на Запад.

О том же, как совершалось их дальнейшее путешествие, вы узнаете из следующих глав.

<http://tl.rulate.ru/book/14623/288190>